

Тимка припомнил, что царя зовут так же, как звали его покойного батюшку — Николай. Только отец был просто Николай Петров, а царя называют «Его Императорское Величество Николай Второй».

Голова кружилась от голода, а конца пути всё не было видно.

«Небось, и ночевать в лесу придётся», — прикинул мальчик, и в ту же секунду вдалеке раздался паровозный гудок. Это придало Тимке новые силы.

Казалось, что за лесом пыхтело и ворочалось крупное чудовище с тремя головами: «чух-чух-чух».

«Там чугунка, — понял Тимофей, — она меня в столицу выведет».

Хотя паровоза Тимка никогда не видел, но зато не раз слышал от отца, что в их волостной город Гатчину проложена из Санкт-Петербурга железная дорога, по которой ездит по чугунным рельсам паровая машина — паровоз.

— Знатная вещь, — нахваливал новшество батя, — вырастешь, Тимка, в ум войдёшь, покатаю тебя по чугунке. Не пожалею денег на билет. Вон, лавочник с сыном три раза в Гатчину ездили, а мельник свою дочку даже в Санкт-Петербург возил. И я не хуже, не сомневайся.

Вскоре дорога подошла к реденькому подлеску, и на открывшейся насыпи Тимофей увидел уложенные поперек пути брёвна, по которым была проложена тонкая колея. Он вскарабкался

вверх по насыпи, опустился на коленки и опасливо потрогал пальцем блестящий рельс.

«Не понимаю, как это по нему можно ехать и не упасть. Телега бы нипочём не проехала, враз бы на бок завалилась, — подивился паренёк. — И выдумал же кто-то этакое чудо!»

Он почувствовал под рукой колебания и по поднявшейся с деревьев стае птиц понял, что скоро здесь пройдёт поезд.

«Спрячусь от греха подальше», — решил Тимка и кубарем скатился вниз в кусты ивняка.

Ох, и жуткой же машиной оказался этот паровоз! Из кустов было хорошо видно, как, дымя огромной трубой, по рельсам двигалось настоящее страшилище с огромными колёсами и круглой будкой наверху. Паровоз тащил за собой несколько хорошеньких голубых вагончиков, из окошек которых выглядывали нарядные дамы и господа. Из окна самого последнего вагончика высунулся мальчик в матросском костюмчике и приветливо помахал Тимке рукой.

«Ишь, рассмотрел меня, глазастый», — Тимофей выбрался из своего укрытия и побрёл по шпалам вслед удаляющемуся поезду.

Если от двух поездов Тимка шарахался, как конек-стригунок от первой упряжи, то потом по привычке и стал присматривать, куда бы прицепиться, чтоб проехаться с ветерком, тем паче, что ноги-то не казённые. Наиболее подходящим для этого местом показалась ему приделанная

к последнему вагону небольшая лесенка. Когда очередной поезд, обдав паренька струёй пара, неспешно проплывал мимо, он дождался последнего вагона, изловчился и вскочил на приклёпанные сзади покачивающиеся ступени.

Ехать на настоящем поезде, пусть даже и на весу, было так захватывающе, что Тимофей забыл обо всём на свете: и о выжигающем нутро голоде, и о злющей тётке Мане, и о пережитом недавно испуге, и даже о своей горькой сиротской доле.

В первые минуты ему хотелось во всё горло кричать от радости, но, поразмыслив, он благо разумно решил промолчать. И правильно сделал, потому что у него над головой хлопнула дверь, и на площадку заднего вагона вышли два человека.

— Видал, Колян, господинчика в третьем вагоне? Саквояж у него знатный, похоже, что сшит из крокодиловой кожи. Да и сам одет не бедно — пенсне в золотой оправе. Как думаешь, возьмём на гоп-стоп? — спросил один.

— А что ж, — отвечал ломкий юношеский голос, — это нам завсегда с большим удовольствием. Тем более что ты, Максимыч, дело знаешь, ещё никогда не бывал с пустыми руками — без добычи.

— Да не забудь у него ещё и часы срезать, — назидательно напомнил старший и сплюнул вниз, прямо Тимке на голову.

Парнишка вздрогнул и сжался в комочек.

«Разбойники», — догадался он и нахмурился.

Родители всегда учили своего Тимку жить честно, а батюшка в церкви говорил, что воровство и разбой — это смертный грех.

Пусть плюют сколько угодно, он всё равно себя не выдаст и обязательно предупредит мужчину в третьем вагоне, что его хотят ограбить. Тимофей хорошо знал, что слово «гоп-стоп» обозначает кражу, потому что среди его деревенских друзей в ходу были байки про знаменитого сыщика Путилина, направо и налево вступавшего в схватки с ворами и душегубцами, а Лёвка — сынишка одного дачника — показывал про него целую книжку с картинками.

Вскоре лес по сторонам дороги поредел, кое-где стали встречаться домишки, прижимавшиеся к обочинам дорог. Замелькали подводы, гружённые дровами, крестьянские телеги, и, наконец, поезд дал длинный гудок. Приблизилась станция.

По замедлившемуся ходу поезда Тимоша сообразил, что близится конец пути. Это было как нельзя кстати — вцепившиеся в лесенку пальцы совсем одеревенели, а портки, подвязанные тонкой пеньковой верёвочкой, то и дело норовили свалиться вниз.

— Это что за пострелёнок! Я тебя ужо в полицию сдам! — услышал Тимофей истошный крик мужика в чёрной форме, торопливо со-

скочил с лесенки и юркнул за плавно остановившийся вагон. Краем глаза он увидел крупные буквы на верху дома, которые сложились в слово «ГАТЧИНА».

Куда бежать? Где искать третий вагон и господина, на которого охотятся два бандита?

«Барин должен быть в пенсне и с саквояжем», — вспомнил Тимошка и тут же его увидел. Мужчина неторопливо шёл по перрону, держа в руке красивый чемоданчик, который называется «саквояж». Такой же был у заезжавшего в их деревню господина из города. На носу у него поблескивало небольшое пенсне, из-под которого рассеянно поглядывали добрые светлые глаза.

— Дяденька-барин, берегись! — отчаянно выкрикнул мальчик и тут же почувствовал сильный толчок в спину.

Наступила глубокая темнота...

4

...Время от времени Тимошка открывал глаза и видел над головой венки из белых цветов. Потом глаза сами собой закрывались, и цветы пропадали. Его телу было тепло, мягко и уютно. Только голова сильно болела. В очередной раз выйдя из забытья, он расслышал чьи-то тихие голоса.

«Наверное, я уже умер, — подумал он, — неужто так говорят ангелы?»

Он попытался вслушаться в разговор, казавшийся поначалу сплошным гулом, и постепенно начал различать отдельные слова.

— Андрей Иванович, что вы думаете насчёт трепанации черепа? — спросил кто-то невидимый.

— Как вам сказать, Пётр Сергеевич, положение, конечно, серьёзное, но всё же давайте немного подождём. Детский организм гораздо выносливее взрослого, даже несмотря на то, что ребенок порядком истощён. Хотя удар головой об рельсы был очень сильный.

— Вы не узнавали, задержали ли тех подонков, что столкнули мальчика под поезд?

— Говорят, ищут.

Голоса стали звучать громче и внятнее. Тимка приоткрыл один глаз, чтобы подглядеть, как выглядят ангелы.

«Вдруг это не ангелы вовсе, а черти пришли по мою душу», — опасливо подумал он и хотел было снова закрыть глаз, но любопытство пересилило.

Оказалось, что голоса принадлежали совсем не ангелам, а двум господам. Один был одет в мягкую куртку, а второй — в яркую военную форму.

— Смотрите, Андрей Иванович, вы были правы, он открыл глаза, — обрадовался барин в куртке и надел пенсне, чтобы лучше рассмотреть Тимофея.

«Человек в пенсне из третьего вагона!» — озарило Тимку, и он вспомнил свой побег от

вредной тётки, железную дорогу, воров и удар в спину.

— Ты меня слышишь? — спросил офицер.

«Да», — хотел ответить ему Тимка, но губы совсем не слушались. На всякий случай он снова смежил веки, чуть-чуть подсматривая в щёлочку между ресницами.

— Он слышит и даже пытается отвечать. Это великолепно, Пётр Сергеевич!

— Ну, слава Богу, — размашисто перекрестился господин в пенсне, — а то я уж начал тревожиться. Всё-таки мальчик три дня лежит без памяти. Теперь быстро пойдёт на поправку. Сима, Сима, иди сюда, — позвал он, и в комнату вошла пожилая женщина с приветливым лицом. — Серафима, мальчик очнулся. Напои его, пожалуйста, водой и накапай вот эту микстуру. Если его не стошнит, можно будет дать бульон.

Пётр Сергеевич протянул тётке бутылочку с лекарством и вслед за Андреем Ивановичем вышел из комнаты. Женщина торопливо взяла из рук Петра Сергеевича микстуру и опустилась на стул рядом с Тимошкой. На него повеяло тонким запахом цветущей черёмухи.

— Очнулся, голубчик! Вот и хорошо. Вот и молодец! Сейчас тётя Сима тебя обиходит, — приговаривала она мягким голосом.

Она казалась такой мягкой и нежной, что Тимофей не стал больше таиться и широко распахнул оба глаза. Тётя Сима ответно улыбнулась

и, приподняв его голову, поднесла к губам Тимохи чашечку с носиком — наподобие заварочного чайника.

— Сейчас кушать будем. Желаешь похлебать тёпленького?

Тимка сглотнул микстуру и понял, что больше всего на свете он хочет есть. «Варёный сапог бы съел», — говаривал в таких случаях его отец.

Тётя Сима ушла и вскоре вернулась с красивой белой чашкой в руках. Она принялась осторожно кормить Тимку чуть тёплым солончатым варевом. Какая вкуснота! Тимошка даже зажмурился от такого блаженства. Нет, не зря он подумал, что очутился в раю. Ну, чисто рай!

Сразу после еды к мальчику подошёл Петр Сергеевич с блестящим молоточком в руках и осторожно погладил его по грязным спутанным волосам:

— Изрядно напугал ты нас, дружок. Считай, второй раз на свет родился.

Он покрутил в руках молоточек и поднёс его к Тимкиному носу.

«Бить будет!» — ужаснулся Тимка.

Пётр Сергеевич, заметив его испуг, усмехнулся и попросил посмотреть на самый кончик молотка, покачивая им из стороны в сторону перед глазами мальчика. Тимка заворожённо следил за молоточком, а сам в это время думал: как же странно всё обернулось — чужой гос-

подский дом, барин из третьего вагона с молоточком в руках, незнакомая тётя Сима, которая кормит его с ложечки...

Пётр Сергеевич как будто прочитал Тимошкины мысли. Он удовлетворённо отложил молоточек в сторону и прищёлкнул пальцами:

— С помощью молоточка я проверяю, в порядке ли твой мозг и зрение. Я, видишь ли, доктор. Зовут меня Пётр Сергеевич. А тебя как?

— Тимка.

— Ну вот, Тимофей, я подобрал тебя на вокзале без сознания и взял к себе на квартиру. Но скоро ты выздоровеешь и сможешь пойти домой. Там уже тебя, вероятно, с полицией ищут.

Тимошка попробовал отрицательно помотать головой, но тут же поморщился от резкой боли в шее.

— Некому меня искать, — глядя в глаза доктору, выговорил он запёкшимися губами, — сирота я, никому не нужный. Сам себе голова.

Пётр Сергеевич нахмурился и постучал молоточком по ладони:

— Голове ещё полежать требуется, а с твоей персоной мы что-нибудь придумаем. Я постараюсь похлопотать насчёт сиротского приюта. А ты спи пока, набирайся сил.

«Приют» — это страшное слово заставило Тимку забиться под одеяло. Ещё в деревне он слышал, как заезжая барыня в сердцах кричала своим расшалившимся дочкам: «Не будете слушать маменьку — сдам в приют».

«Зря я признался, что сирота, — огорчился Тимошка, — ну да ладно. Наступит ночь, убегу».

5

Несмотря на задуманный побег, сытый Тимошка спал всю ночь так крепко, что около его кровати можно было палить из пушек.

«Ладно, убегу следующей ночью», — решил он утром, когда открыл глаза.

Голова не болела, глаза смотрели ясно, и все вещи в комнате, виденные прежде словно сквозь дымку тумана, выглядели резко и чётко. Прямо над головой, на потолке, мальчик увидел большой лепной венок, посреди которого был приделан стеклянный шар.

«Экое чудо, — подивился он. — И чего только в барских домах не выдумают. У нас в избе весь потолок закопчён, куда уж там шары да горшки привешивать. Одно баловство».

Эти мысли прервала тётя Сима. Она вошла в комнату и повернула маленькую ручку на стене около двери. Шар на потолке вспыхнул жёлтым светом.

— Проснулся, голубчик? С добрым утром.

Она проследила за недоуменным Тимкиным взглядом и пояснила:

— Это электрическая лампа, изобретённая господином Яблочковым. Пойдём, дружок, помоемся, я тебе ванну налила.

Уж на что дивом показалась Тимофею лампа Яблочкова, но дальше чудес стало ещё больше. Сначала тётя Сима отвела его в маленький чуланчик, посередине которого стоял большой фаянсовый горшок странной формы с деревянным сиденьем и дыркой посередине:

— Это ватерклозет, туалет по-нашему, — строго сказала хозяйка, — когда сделаешь свои дела, надо потянуть вот за эту ручку.

Она дёрнула за привязанную на верёвку ручку, и из дырочки внутри горшка с шумом потекла вода.

Тимошка вздрогнул от неожиданности и разинул от удивления рот: ну и ну! Кому рассказать в деревне — нипочём не поверят.

Потом тётя Сима завела его в комнату, которую назвала «ванная», и посадила в огромное белое корыто на ножках, до краёв наполненное тёплой водой.

— Да у тебя одни кости, — заметила она, намыливая мочалкой худые мальчишечьи лопатки, — точь-в-точь, как у Вадика, сынка Петра Сергеевича. Уж три годка прошло, как они с матушкой, женой хозяина, умерли. Так доктор, бедолага, до сих пор в себя не пришёл. Даже плачет иногда ночью, — произнесла тётя Сима. — Я-то, почитай, уже лет десять у них в семье живу, всё про них знаю. Сначала в прислугах была, а позже в экономку-домоправительницу превратилась. Нынче весь дом на мне. А сам-то Пётр Сергеевич сейчас на работе. День и ночь

работает. Что поделаешь, лекарь — должность наиважнейшая.

— Я видел здесь вчера дяденьку-военного, — робко сказал Тимка.

— А, это Андрей Иванович, тоже доктор, только военный, — махнула рукой тётка, — друг нашего барина.

— Разве бывают военные доктора? — удивился Тимошка.

— Знамо дело, бывают. Кто же солдатиков и господ офицеров лечить будет? А если война? Без врача в армии никак нельзя. У нас в Гатчине две бригады расквартированы — артиллеристы и кирасиры. Да и то сказать — сами государь император с семьёй частенько сюда в свой дворец наезжают.

Сам царь! У Тимки от такой удачи аж дыхание остановилось. Вот ведь! Ладил попасть в столицу, разыскать государя да в ноги ему кинуться, а тут, нате вам с кисточкой! Царь сам сюда приезжает!

«Погожу пока бежать, авось, Господь сжалятся надо мной да сведёт с царём-батюшкой. Всё ему тогда расскажу про долю сиротскую», — принял решение Тимофей и по уши погрузился в изрядно почерневшую мыльную воду.

После ванны Тимка почувствовал себя лёгким, как цыплячье пёрышко.

Домоправительница выдала ему чистую мальчишескую одежду, в точности как у виденного на ярмарке барчука, и расчесала спутанные волосы:

— Какой ты у нас красавчик!

В просторной кухне с жарко натопленной чугунной плитой она наложила мальчику полную тарелку каши с молоком и от души полила её сверху вареньем. Такое богатство Тимошке было очень удивительно — в их селе кашу с молоком только по праздникам в печку ставят, а варенье он вообще всего один раз в жизни пробовал.

— Тётя Сима, а ты царя видела? — спросил он с набитым ртом.

— Конечно, видела, — няня намазала маслом хлеб и протянула мальчику. — Правда, он не так часто здесь гостит, как его батюшка, Александр Третий. Тот вообще в Гатчине жил. Каждый день в парке гулял. Своей царской рученькой уток в пруду кормить изволил.

— Вот бы и мне царя увидеть, — мечтательно протянул Тимка и выглянул в окно.

Он представил, как перед окнами прогуливается сам император в короне и мантии. В руке он держит большой шар — державу, а в другой — скипетр. Как на открытке, привезённой отцом из города.

— Если царь самолично кормил уток, то куда он в это время девал державу и скипетр? Наверное, на камень клал? — спросил Тимошка тётю Симу.

Она рассмеялась:

— Да нешто государь так каждый день наряжается! Я его в самой обыкновенной одежде видела. Такой, как у Петра Сергеевича.

— А я думал, он всегда в царской ходит, — разочарованно протянул Тимошка.

«Поджоги в Гатчине! Поджоги в Гатчине! За три дня сгорело два дома! Покупайте свежую газету!» — раздался на улице звонкий мальчишеский голос разносчика газет.

— Что делается, что делается! — покачала головой тётя Сима и перекрестилась. — Вот уж напасть, так напасть. Люди говорят, что сюда из Франции самого знаменитого французского сыщика выписали, чтоб быстрее поджигателей сыскать. Вчера к Петру Сергеевичу в больницу сразу трёх обгоревших привезли. Он и сейчас там с ними возится.

— Здесь я уже, здесь, — раздался снизу знакомый голос.

Доктор тяжело прошёл в кухню и обессиленно опустился на стул.

— Целый день спасали пострадавших на пожаре. Мать и дочь. Малышка лет шести. Угорели сильно. Едва выжили.

Он пристукнул кулаком по столу:

— Эх, попался бы мне этот варнак, что дома поджигать удумал, живым бы не ушёл.

— Дяденька доктор, — тревожно посмотрел на него Тимошка, — вдруг это те самые разбойники, которые со мной на поезде ехали и хотели украсть твою сумку?

— А ведь верно! — оживился Пётр Сергеевич. — Поджоги как раз и начались с того дня, как тебя под поезд столкнуть пытались. Моло-

дец, Тимофей, верно рассуждаешь! Давай, рассказывай, что помнишь.

Тимка, собираясь с мыслями, поёрзал на удобном высоком стуле, совсем не похожем на лавки в тёткиной избе, глубоко задышал и принялся рассказывать нехитрую историю всей своей коротенькой жизни. Хотя его рассказ занял от силы десять минут, тётя Сима успела пару раз жалостливо поплакать, а Пётр Сергеевич недовольно нахмуриться.

Наконец в кухне воцарилось молчание, изредка прерываемое потрескивающими в плите угольками и бульканьем кофейника.

— Знаешь что, Тимофей, — сказал хозяин и посмотрел на тётю Симу, — оставайся-ка ты пока у нас, а там видно будет.

6

Тимошка жил в доме Петра Сергеевича уже вторую неделю, за этот срок он успел всей душой привязаться к добрейшей тёте Симе и к вечно занятому доктору. Время от времени мальчик подумывал, что нехорошо быть обузой в чужом доме, «лишним ртом», как сказала бы тётка Маня, и тогда начинал изобретать планы самостоятельного зарабатывания денег.

— Завтра мы с тобой пойдём на лотерею-аллегри, — однажды сказал Тимошке Пётр Сергеевич. — Благотворительное общество будет продавать выигрышные билеты, все

деньги от которых пойдут в пользу больницы для бедных.

Он радостно потёр руки:

— Хорошо бы оборудовать приличный хирургический кабинет с новейшей лампой для освещения операций.

«Лотерея-аллегри! Выигрышные билеты!» Это известие взбудоражило Тимошку. Даже в его родном селе все знали, что такое выигрыш в лотерею, что уж тут говорить про почти столичную Гатчину.

В городе только и было разговоров про предлагаемые призы. Накануне выходного дня Пётр Сергеевич принёс программу гуляния, и Тимошка, изрядно вспотев от старания, громко по складам прочитал: «2 июня 1903 года, в воскресенье, на военном поле против Дворца, в 2 часа пополудни начинается гуляние с лотереей-аллегри. Главные призы: три лошади, две коровы и коза. Цена лотерейного билета 10 копеек. Драматической труппой под управлением А. Лучезарова будет разыграно сочинение Полевого «Дядюшка на трёх ногах» и водевиль Григорьева «Иголкин — купец». Кроме театра будут выступать музыкальные клоуны братья Акатовы. По заключении гуляний, в 10 часов вечера, будет зажжён фейерверк».

О драматической труппе Тимошка слыхом не слыхивал и фейерверка никогда не видел, но что значит стать хозяином лошади или коровы, представлял даже очень хорошо.

«Больше всего повезёт тому, кто выиграет лошадь, — хозяйственно рассуждал он. — Ах, если бы это был я! Тогда бы на всем белом свете не нашлось такой тётки, пусть даже самой злоущей, которая посмела бы обозвать меня дармоедом!»

Тимофей воображал, как въезжает на собственном коне в Соколовку, а со всех сторон к нему сбегается честной народ: мужики завистливо цокают языками, бабы всплёскивают руками, соседские девчонки таращат глаза от удивления, а пацаны просят прокатиться.

«Да если бы у меня была лошадь, то жил бы я себе припеваючи и горя не зная. А Петру Сергеевичу и тёте Симе за их доброту каждый день возил бы из села свежее молочко».

Ночью Тимке приснилось, что он едет на лошади вдоль реки, а с берега напротив ему машут рукой мама с папой.

— Сынок, сынок, — изо всех сил кричит ма-тушка, — омут глубокий, нам реку не переплыть.

— Оставайся там, где стоишь, — вторит ей отец и кидает через реку извивающуюся змею. — Возьми, это тебе пригодится в жизни!

Проснулся Тимошка весь в слезах: надо же такому присниться. И опять непонятная змея. Не иначе как придётся идти в заклинатели змей. Отец зря не посоветует.

— Что-то ты с личика спал, — заохала тётя Сима, когда Тимка пришёл в кухню на завтрак. — Ну да я тебя враз развеселю. — Она покопалась в кармане передника и выудила

оттуда медную монетку в десять копеек. — Вот тебе от меня подарочек. Купишь себе лотерейный билетик.

Тимошка чуть булочкой с повидлом не подавился: вот она, удача, сама в руки скачет! Потом в кухню зашёл Пётр Сергеевич и тоже дал Тимке десять копеек. На гулянье паренёк летел, как на крыльях. Да и как иначе, если на нём был новенький матросский костюмчик — в точности, как у барчука, который махал ему рукой из вагона поезда, а в кармашке лежало целых двадцать копеек. Время от времени Тимошка гладил их пальцами через плотную шерстяную ткань и думал, что он, наверное, самый счастливый мальчик на свете.

Военное поле было полно народа. У входа стояли балаганы с призами, в загоне, окружённые толпой крестьян, подрагивали лоснящимися боками каурые кони, а рядом неспешно жевала сено пёстрая тёлка-однолетка.

— Лотерея-аллегри, покупайте билеты! — в широкий медный рупор кричал зазывала и крутил большой стеклянный барабан, в котором, как живые, скакали свёрнутые в трубочку билеты.

— «Аллегри» — это значит мгновенно, — пояснил мальчику Пётр Сергеевич, — купил билетик, развернул — и готово: смотри, какой приз ты выиграл.

Доктор взял Тимку за руку и пристроился в очередь за лотерейными билетами.

— Эй, хозяин, не зевай, а билетик открывай, — весело подбадривал продавец каждого покупателя билета, и все в очереди, затаив дыхание, ждали, когда его обладатель торопливыми пальцами разорвёт скрученную бумажку и огласит свой выигрыш.

— Сервиз! Гип-гип, ура! — ликовал охрипшим голосом зазывала, а военный оркестр тут же начинал играть поздравительный «туш».

— Коза! Вы стали счастливой обладательницей наилучшей породистой козы! Позвольте поздравить вас с приобретением! — заходилась от счастья продавец, чмокнув растерявшуюся барыню прямо в пальчики, зажимающие счастливый билет.

— Коза, ну и повезло же барыньке! — тихонько охнул кто-то за Тимкиной спиной.

Мальчик обернулся. Сзади него стояла бедно одетая женщина с маленькой девочкой и тревожно провожала глазами каждый выигрыш.

— Как думаешь, билетов на всех хватит? — спросила она Тимку.

Мальчик пожал плечами и весело запрыгал, потому что уже приближалась его очередь.

«Лошадь, лошадь, лошадь, — твердил он про себя. — Пожалуйста, Господи, пусть я выиграю лошадь».

Он протянул деньги подмигнувшему продавцу, и тот лихо закрутил барабан с заветными бумажками. Тимка выбрал глазами две из них и решил, что постарается вытащить именно их.

Барабан остановился, и продавец призывно распахнул стеклянную дверку:

— Пожалуйте, милостивый государь.

Тимофей приметил свои билетки и без колебаний выбрал две розоватые бумажки.

— Открывай парень, не томи, — весело завыла толпа.

Мальчик взглянул на Петра Сергеевича. Тот разрешающе кивнул головой и улыбнулся:

— Разворачивай, чего же ты ждёшь?

Тимофей раскрутил первую бумажку и увидел три слова: «Билет без выигрыша».

— На «нет» и суда нет, — подбодрил Пётр Сергеевич, — открывай следующий.

Тимка засопел, на всякий случай перекрестился, развернул второй билет и охнул: там был нарисован каурый конь с тележкой.

— Гип-гип ура! — в упоении заголосил продавец билетов. — Выигран главный приз — лошадь с тележкой-шарабаном! Юноша стал победителем! Поаплодируем победителю, господа!

В толпе загомонили. Пётр Сергеевич крепко взял Тимку за руку и отвёл в сторонку:

— Поздравляю с выигрышем, молодой человек.

Тимофей чувствовал себя на седьмом небе. В один миг он превратился из никому не нужного нахлебника в состоятельного мальчика.

«Буду извозом зарабатывать, а то и огород кому вспашу, — солидно обдумывал он свой выигрыш, — лошадь в деревне завсегда прокормит».

Только жалко было расставаться с Петром Сергеевичем и тётей Симой, но не век же на чужой шее сидеть. Взрослый уже, да и грамотный к тому же. Вон, соседский Колька в такие же годы уже половым работал в столичном трактире.

— Рад? — опечаленно спросил его доктор.

— А то! — встрепенулся Тимошка. — Вы не думайте, Пётр Сергеевич, я к вам с тётей Симой буду часто в гости наведываться, да с гостинцами. За всё ваше добро отслужу, — вспомнил он, как говаривал его отец.

— Да я и не думаю... — Пётр Сергеевич отвернулся и заговорил с подошедшим Андреем Ивановичем, а Тимошка хотел было двинуть за выигрышем, но вдруг услышал в стороне негромкий приглушённый плач. Он присмотрелся. Плакала та женщина с девочкой, что стояла позади него.

— Тётенька, что ты плачешь?

Женщина подняла на него красные глаза и криво усмехнулась:

— А, счастливчик... Легко тебе, барчук, живётся — вишь, лошадь с шарабаном себе на забаву выиграл. А я, вместо хлеба, на последние десять копеек билет купила, думала, хоть козёнку получу, чтоб моя дочурка с голоду не померла, да вот пустышку вытянула. Вдова я, погорелица. Слышал, небось, про пожары в Гатчине?

Тимошка согласно мотнул головой и закусил губу.

— Вот мы с Алёнкой эти бедолаги и есть, — она ткнула заскорузлым пальцем в прижавшуюся к её ноге девчонку и махнула рукой. — Видать, нам судьба такая. На пожаре не сгорели, так под забором сгинем, как собаки.

Тимофей ещё раз посмотрел в полные отчаяния глаза женщины и медленно протянул ей свой билет:

— На, возьми. Нешто я не понимаю, сам вволю наголодался.

Баба кулём повалилась на колени прямо в липкую грязь, размазанную сотнями сапог:

— Век за тебя, кормилец, буду Бога молить!

Тимофей растерялся было, но почувствовал на своём плече тяжёлую руку Петра Сергеевича. Он поднял голову и увидел посветлевшее лицо доктора:

— Молодец, сынок, ты всё правильно сделал. Никому теперь тебя не отдам.

7

— Решил я, Серафима, усыновить нашего Тимошку согласно закону, — сообщил Пётр Сергеевич, когда все собрались у самовара на вечерний чай. — Что скажешь? — посмотрел он пытливо на тётю Симу и прижал к себе Тимку.

Та всплеснула руками, прослезилась и громко зашмыгала носом:

— И правильно удумали, барин. Бог сироток привечает, авось, и вам через него счастье

выпадет. Богоданный-то сыночек — такой же родной.

Пётр Сергеевич потемнел лицом и невольно взглянул на портрет жены и сына:

— Я думаю, Маша одобрила бы мой поступок, да и Вадим не возражал бы. Он был очень открытым мальчиком, чутким к чужому горю.

Экономка всхлипнула и закрыла лицо фартуком.

— Ну, хватит, Серафима, полно. Не рви мне душу, — приказал Пётр Сергеевич. — Начнём готовить нашего Тимофея в гимназию. Надо ему документы выправить. Вели дворнику заказать мне экипаж, во вторник поедем в церковь, где Тимофея крестили, и выпишем ему метрическую справку. Не годится человеку без документов жить.

От этих слов Тимкино сердечко так и подпрыгнуло.

— Поедем ко мне в Соколовку? А тётка Маша меня назад не потребует?

— Силком тебя никто не отберёт, не волнуйся, — успокоил его Пётр Сергеевич. — Да ты ведь говорил, что не нужен тётке. Может, лукавил?

Тимофей так энергично затряс головой, что чай из чашки брызнул во все стороны:

— Ей Богу, дядя Петя, правда, правда не нужен, — покраснел мальчик. — Я подумал, что, может, вы меня вернуть хотите, — добавил он шёпотом.

— Не выдумывай ерунды, — подвёл итог Пётр Сергеевич, — а собирайся в путь.

Назавтра выехали спозаранку. И то сказать, путь не близкий — почитай, двадцать вёрст, да всё лесом. Тётя Сима сунула в повозку вкусно пахнущую свежими пирогами корзиночку, прикрытую чистым полотенцем, и тайком от доктора запахнула в карман Тимофею петушка на палочке.

«И почему дядя Петя не разрешает есть леденцы? — размышлял Тимофей под мерный стук лошадиных копыт. — Говорит, что они вредные. А в чём там вредность, если они такие вкусные? Я мог бы всю жизнь только леденцами и питаться».

Пётр Сергеевич завернул мальчика в клетчатое одеяло, и Тимошка, надышавшись пряным хвойным воздухом июньского леса, незаметно для себя крепко уснул. К деревне подъезжали за полдень. Тимка вытянулся в струнку. Было радостно и одновременно тревожно: а ну, как что-то пойдёт не так, как задумано? Вдруг тётка заартачится и не захочет отдавать Тимофея Петру Сергеевичу? Да и как-то неловко было показываться перед деревенскими друзьями в барчуковом наряде.

Он вложил свою ладошку в руку доктора, и тот успокаивающе сжал горячие после сна Тимошкины пальцы. Так рука об руку и въехали они в большое село Соколовка.

Первая, кого они увидели, была бабка Мирониха с пустыми вёдрами на коромысле.

— Ахти мне! — заголосила старуха так, что от её крика шаррахнулся в сторону собиравшийся прокукарекать петух. — Никак это Тимка Петров! А разряжен-то, ну чисто королевич! Гляньте, люди добрые! Мы думали, что он в лесу пропал, а он целёхонек! Да с барином!

Она критически осмотрела Петра Сергеевича, сбавила тон и подскочила к повозке:

— Слышь-ко, барин, ты Маньке мальчонку не отдавай. Заест она его поедом, как пить дать заест.

— Поехали! — Пётр Сергеевич тронул возницу, и тот послушно натянул вожжи.

— Тимка! Гляньте, люди добрые, Тимка Петров! Живой и невредимый! — раздавалось со всех сторон.

Хотя Тимошка предполагал, что именно так всё оно и будет, но всё-таки не выдержал и спрятался за широкую спину своего названного батюшки.

— Вон он, наш дом, — показал мальчик на просторную крепкую избу в два этажа, — его мой дед Илья построил. Мы там все вместе жили, пока родители и дед от холеры не умерли.

Пётр Сергеевич согласно кивнул и привлёк Тимошку к себе:

— Есть такая беда в России. Целые деревни от этой болезни вымирают. Самое обидное, что причиной тому — заражённая вода. Стоит только начать кипятить воду, и болезнь отступает.

— А ты смог бы вылечить маму и папу? — заглянул Тимошка в лицо доктору.

— Не знаю, — честно признался тот, — но обязательно попробовал бы. Я уже два раза ездил на холерные эпидемии. Один раз в Ростов Великий, а потом — в далёкую Среднюю Азию.

Повозка плавно остановилась у калитки, и Тимошка легко взбежал на родное крыльцо. Дверь была подперта поленом.

— Наверное, все на огороде, — предположил мальчик, — ведь пора картошку сажать.

Раздвигая заросли калины и бузины, Тимофей повёл Петра Сергеевича за угол дома, где у Петровых был большой огород.

— Муха! — обрадовался мальчик, когда ему под ноги с мяуканьем бросилась пёстрая кошка. — Муха, Мушенька, как ты тут без меня?

— Это ещё матушкина кошка, — объяснил он доктору. — Можно я её с собой возьму?

Пётр Сергеевич улыбнулся:

— Возьми. Будем надеяться, что Сима нас с ней не выгонит.

— Не выгонит, дядя Петя, — горячо прошептал Тимошка и прижал к себе худенькое кошачье тельце. — Небось, голодная. Тётка-то её не очень жалует.

— Доброго здравьица, барин. Дачу снять изволите? Это мы завсегда, со всем нашим почтением, — пропел из-за угла ласковый женский голос.

Тимошка вздрогнул: прямо на него, улыбаясь во весь рот и наскоро поправляя сбившийся

платок, шла тётка Маня. Она льстиво согнулась и отвесила Петру Сергеевичу приветственный поклон:

— С сынком, барин, желаете въехать? Сынок-то у вас какой хорошенький — копия папашенька.

Она перевела взгляд на Тимошку, осеклась и стала как-то неловко, боком сползать по стене дома.

— Чур меня, чур, — закрестилась тётка, — ты же в лесу сгинул...

Она осмотрела Тимку с ног до головы и даже дрожащей рукой подёргала его за нарядную курточку.

— Не сгинул, как видите, — вежливо сказал Пётр Сергеевич. — Мы с Тимофеем, собственно, приехали за тем, чтобы сообщить вам, что я усыновляю этого мальчика.

От звука его голоса на бабу словно ушат холодной воды вылили. Она резко вскочила, подбоченилась и вздёрнула голову:

— А ты, господин хороший, кто таков есть, чтобы мне указывать?! Мой племяш! Что хочу, то с ним и делаю! Он мне ещё за хлеб-соль не отработал. Я его всю зимушку кормила, поила, лучший кусок от своих детей отрывала, сама недоедала. Не бывать такому, чтоб мои дети в деревне в навозе копались, а Колькин Тимка в барчуках в городе жил. Хочешь — бери себе вместо Тимки моего Кирьку. Или, вон, Катьку заberi, она девка справная. Готовить, стирать тебе будет.

Тимошка даже зажмурился от ужаса: а ну как Пётр Сергеевич и впрямь передумает и усыновит Кирьяна или Катюху.

«Значит, так тому и быть, — вдруг вспомнил он мамину любимую приговорку. — Видно, не судьба мне...»

Но Петр Сергеевич, казалось, не обратил внимания на слова тётки. Он устремил на разъярённую женщину спокойный взгляд и тихо спросил:

— Как я понимаю, часть этого дома принадлежит Тимофею?

Баба замолчала, только глаза сузила от злости.

— Мы оставляем её вам. А это примите за потерянную корзинку.

Он вынул из кожаного портмоне новенький рубль, положил его на крыльцо:

— До свидания.

Пётр Сергеевич взял Тимошку за руку и уже совсем было собрался уходить, как вдруг мерное кудахтанье кур во дворе прервал детский крик:

— Спасите! Помогите! Умираю!

Все обернулись на этот отчаянный вопль и дружно ахнули: в калитку ввалился окровавленный мальчик лет семи.

— Убили! Кирьку моего убили! — птицей кинулась к мальчонке тётка Маня. — Кто тебя истерзал?

— Лиса! Меня лиса покусала!

Ребёнок, задыхаясь, хватался за мать окровавленными руками и как будто оправдывался:

— Я её и не трогал вовсе. Она сама из-за куста как выскочит и ну кусать, ровно бешеная!

— Бешеная! — тётка Маня вздрогнула, внезапно обессилев от страшной мысли.

— Бешеная... — эхом подхватил Тимошка и с жалостью посмотрел на Кирьяна.

Он хорошо помнил, как прошлым летом от укуса бешеной лисы погиб деревенский печник дядя Сеня. Умирал он долго и мучительно. Мальчишки бегали к его избе, заглядывали в окна и с замиранием сердца смотрели, как добрый и безобидный дядя Сеня клубком катается по полу и бьётся головой о ножки стола. Мама говорила, что при этой болезни люди не могут пить, поэтому её ещё называют «водобоязнь».

— Смотрите, ребяташки, без спросу в лес ни шагу, — предупреждала она Тимошку, Кирьку и Катьку, — от этакой хворобы ни один лекарь не вылечит. Да крепко запомните: ежели лиса или собака сама на людей бросается — быть беде.

Тимошке стало так жалко Кирьяна, что из глаз сами собой побежали непрошенные слезы. Хоть и вредный парень Кирька, нравный да капризный, но всё ж таки братушка — родная кровь.

— Мальчика необходимо срочно отвезти в больницу на прививочную станцию и привить от бешенства, — решительно сказал Пётр

Сергеевич. — Занесите ребенка в дом. Я его перевяжу, я врач. Да поторапливайтесь, — командовал он тётке Мане.

Баба опомнилась и перестала выть:

— Ты лекарь?

Она вцепилась в полу пиджака доктора и поволочилась за ним по пыльному крыльцу, стуча коленями о ступени:

— Не дам! Не дам тебе своего Кирьку! Пусть дома умрёт, а в больницу везти не дам! Вы его там докторскими ножами зарежете и ядовитыми зельями опоите!

Доктор отпихнул обезумевшую женщину, взял Кирьяна на руки и понёс в избу, не обращая внимания на то, что кровь пачкает светлый рукав его пиджака.

— Сообщи вознице, что едем в Петербург, я заплачу, — сказал он Тимошке через плечо и принялся за перевязку.

Мальчик со всех ног кинулся к экипажу.

«Только бы скорее добраться до этой привочной станции, — думал он, — а там дядя Петя обязательно вылечит Кирьку, раз обещал».

Но кучер неожиданно для него наотрез отказался:

— Хоть убей, барчук, не поеду. У моей лошади копыто сбилось, не дойдёт она до Петербурга. — Он расстроено махнул рукой и стыдливо отвёл глаза. — А другой лошадки у меня нет. Обезножит эта — хоть в петлю лезь. Чем детей кормить?

«Надо бежать к лавочнику, у него есть лошадь», — вспомнил Тимошка и понёсся по узкой деревенской улице, срезая углы и перемахивая через заборы.

— Тимка, Тимошка! Откуда ты взялся? — бежали за ним друзья-приятели, пытаясь остановить и расспросить поподробнее, что с ним приключилось.

Школьная подружка Лушка поймала его за курточку и стала обнимать.

— Потом, Лушка, недосуг мне, беда у нас, — вырвался он из цепких девичьих пальцев, оставив в её руках две пуговицы.

Лавочника, дядьку Ефима, Тимка увидел издалека. Слава Богу! Дядька Ефим, как всегда в это время дня, сидел на завалинке около покосившейся двери лавки и задумчиво плевал в кучу песка шелуху тыквенных семечек, одновременно отпихивая сапогом наглого петуха, норотившего вскочить хозяину на руки.

— Тю! Никак Тимка Петров! — хлопнул он ладонью по коленке. — А бабы говорили, что ты в лесу пропал. Вот сороки! Языки бы им поотрезать. Да нарядный какой! Разбогатела Манька, что ли? Надо с неё долг взysкать, а то она мне аж десять рублей задолжала.

— Дядька Ефим, дайте лошадь до Петербурга, Кирьку бешеная лиса укусила, — перебил Тимошка торговца, — доктор говорит, что его надо срочно везти в больницу на прививочную станцию.

Мужик перестал жевать и немигающе уставился на мальчика:

— Бешеная, говоришь? Беда! Помрёт Кирьян, хоть вези его на станцию, хоть не вези. От бешенства все помирают.

— Дядя Ефим! Дай лошадь Христа ради! — заревел Тимошка.

— Да нет у меня лошади, — пожал плечами Ефим, — на дальнее поле с сыновьями отправлена картоху сажать. Чай сам знаешь, земельный надел у нас немалый, работы много. — Он призадумался. — Хотя, постой, спроси у батюшки Василия. Вроде бы его попадья говорила, что они уже отсажались.

«Точно!» — обрадовался Тимошка. Как же он забыл про сельского священника отца Василия? У него ведь тоже лошадка имеется. Батюшка часто ездил на ней в дальние деревни навещать больных, совершать требы да и просто поддержать свою паству добрым словом и отеческим наставлением. Батюшка точно даст! Тимофей не раздумывая кинулся дальше: — Брысь, Буян! — крикнул он на ходу Ефимовой собаке, собирающейся любовно схватить его за штаны. — Видишь, какое горе у нас!

Батюшка жил на горе, возле старинной каменной церкви красного кирпича, утопавшей в зелени вишнёвого сада и кущах цветущей сирени. Духмяный воздух был такой густой, что у мальчика на мгновение закружилась голова.

— Отец Василий, отец Василий, — сухими от быстрого бега губами выдохнул Тимка, едва завидя невысокую батюшкину фигуру в холщовом подряснике, — отец Василий, лошадь бы нам. Кирьку в Петербург свезти, его бешеная лиса покусала.

— Тимошка, ты? — опешил батюшка. Но больше не стал ни о чем расспрашивать и без лишних разговоров вывел из конюшни свою каурюю кобылу Диану и сказал: — Помоги запрячь.

Тимка пулей метнулся в сарай за сбруей и через несколько минут уже подъезжал с батюшкой к тёткиному дому. Пётр Сергеевич ждал его у изгороди. Он приветственно, как давнему знакомому, кивнул батюшке, взял у него из рук вожжи и крикнул в глубину дома:

— Несите мальчика.

Дверь приоткрылась, и Тимка увидел бледную тётку Маню с забинтованным чистыми тряпками Кирькой на руках. За ними тащилась испуганная Катька, а из кухни доносилась развесёлая песня пьяного дяди Васи, тёткиного мужа. Кирьян чуть всхлипывал и с опаской поглядывал на строгое лицо Петра Сергеевича.

— Благословите, батюшка, нас на успешное лечение, — склонил голову доктор перед отцом Василием.

Сельский батюшка уверенной рукой перекрестил его, приложил свой крест к губам Кирьяна, поцеловал в макушку Тимошку:

— Бог в помощь. Будем ждать вас назад с хорошими вестями.

Шарабан тронулся, тётка Маня взвыла белугой и кинулась вслед за повозкой:

— Доктор, слышь, доктор! Бери себе Тимошку-то! Всё бери, только спаси Кирьку, — ещё долго слышался её рыдающий голос.

9

— Маманя! К мамане хочу! — время от времени подвывал Кирька, удобно устроенный в экипаже на куче чуть подопретшего сена. — Отпусти меня, дядька! — опасно косился он в сторону Петра Сергеевича.

Тимошка скатился поближе к брату и втянул ноздрями знакомый запах сухой травы. Сразу вспомнилось, как тёмными зимними вечерами ходил он вместе с мамой в хлев, чтоб подоить белолобую коровку Милку. Пока мама крестила углы хлева и зажигала закопчённый огарок свечи, Тимошка обмывал тёплой водой корове вымя. Это была его обязанность. Потом он подкладывал Милке сена, чтоб не отвлекалась по сторонам во время дойки, и слушал, как в подставленную кружку стучат тёплые струйки молока.

— Первое молочко да в роток любимой детушки, — приговаривала мама.

От этих воспоминаний на глаза навернулись слёзы. Он торопливо отвернулся, чтобы дядя Петя не подумал, что у него, как у девчон-

ки, глаза на мокром месте. И так сегодня наре- велся вволю, аж нос распух.

«Не повезло Кирьке, напоролся на бешеную лисицу», — подумал он.

— Что ты в лесу-то искал? — тронул Тимка брата за плечо.

Тот надулся и пробурчал что-то нечлено- раздельное.

— Не трогай его, Тимоша, — обернулся с облучка Пётр Сергеевич, — он устал от боли, нанервничался. Ну да ничего, через пару часов приедем в Петербург, сразу же отправимся в больницу и начнём делать уколы от бешенства.

— Как это уколы? — зашмыгал носом Кирьян. — Шилом, что ли, колоть будут?

— Зачем шилом? — засмеялся доктор. — Специальным прибором, шприц называется. Это такая стеклянная трубочка с иглой.

— Господи, помилуй, какие ужасы, — окончательно приуныл Кирьян.

— Ничего не ужасы, — строго остановил его Пётр Сергеевич, — это совершенно не больно. Зато скоро будешь здоров, как бычок.

— Вот ещё скажешь, барин, как бычок, — чуток повеселел мальчик и повернулся к Тимошке. — Спрашивал, почто я в лес ходил? Тебя высматривал. Вдруг, думаю, Тимка не сгинул без вести, а к разбойникам прибился или ещё куда. Люди говорили, будто видели тебя на старом покосе — как ты вместе с русалками в озере купаешься. А старуха Мирониха мамане баяла,

что тебя цыгане к себе в табор забрали и пристроили медведя водить.

Тимошке так приятно стало, что Кирька не забыл о нём, как будто кто его тёплой рукой по спине погладил. Мальчик придвинулся поближе к Кирьяну и достал из изрядно перепачканного кармана петушка на палочке. Отколупал пальцем прилипшие крошки и протянул брату:

— На, возьми, это мне тётя Сима дала.

Он украдкой посмотрел на Петра Сергеевича, опасаясь, что доктор заставит выбросить вредную сладость, но доктор ничего не сказал, а только хмыкнул:

— Ну, Серафима, будет тебе на орехи, узнаешь, как мальчишке зубы портить.

Некоторое время ехали молча. Путь лежал через незнакомые деревни. Раз остановились у придорожного колодца, и Пётр Сергеевич налил лошади полное ведро воды.

«Эх, был бы у меня сейчас свой конь в шарбане, — подумал Тимошка, вспомнив свой выигрыш в лотерею и глядя на батюшкину лошадь, которая с пофыркиванием пила воду, — ехали бы с ветерком да посмеивались».

Но тут же остановил себя: бедной вдове лошадь была куда нужнее, чем ему, сытому и присмотренному мальчику, почти законному сыну доктора Мокеева.

«Интересно, сколько домов в Санкт-Петербурге? — гадал Тимка, глядя на проплывающие

над ними облака. — Наверное, много. Как в трёх, или нет, в пяти сёлах».

Отец рассказывал, что в Питере есть настоящий зверинец, где народу показывают полосатую лошадь, а на каждой улице продают мороженое. Мысль о мороженом привела его в превосходное настроение. Сам он попробовал его совсем недавно, когда тётя Сима зашла в дом незнакомого мужика в белом фартуке и с ящиком, поставленным на голову.

— Сахарно морожено, кушай не зевай, шире рот раскрывай! — подмигнул мужик Тимошке, открыл ящик и наскоблил оттуда на блюдечко круглые белые шарики.

Шарики были холодные, маслянистые, и Тимка сперва даже опасался их пробовать. А ну, как какая-нибудь гадость!

— Ешь, не бойся, — засмеялась тётя Сима, — потом спасибо скажешь.

Тимошка вспомнил, как волшебное мороженое растеклось на языке холодной сладостью, и наморщил от удовольствия нос.

— Дядя Петя, ты купишь Кирьке мороженое, когда он выздоровеет?

Пётр Сергеевич кивнул головой и озабоченно нахмурился:

— Куплю обязательно, только нам пока не до мороженого, каждая минута на счету.

Его тон так не понравился Тимошке, что мальчик забеспокоился: вдруг что-то идёт неправильно и на самом деле Кирьку не так-то

просто вылечить? Он приподнялся на коленках и переполз на облучок. Рядом с доктором он чувствовал себя гораздо увереннее.

Пётр Сергеевич подвинулся.

— Видишь ли, Тимофей, — серьёзно объяснил он мальчику на ухо, — болезнь «бешенство, или водобоязнь» ещё не изучена до конца. Совсем недавно от неё не было никакого спасения, и любой человек, получивший смертельный укус, обязательно погибал. Лишь несколько лет назад французский учёный Луи Пастер смог получить исцеляющую вакцину.

— Французский? — ахнул мальчик. — Значит, нам надо ехать не в Петербург, а во Францию?

— Слава Господу и принцу Ольденбургскому, что теперь не надо ехать за вакциной в другое государство. Принц на свои деньги посылал к месье Пастеру наших гатчинских докторов, и они научились сами делать лекарство — вакцину от бешенства. Вот к ним в больницу мы сейчас и едем.

Доктор тревожно оглянулся на Кирьяна и дёрнул поводья:

— Но, Диана, не подведи нас, поспеши и получишь целый мешок отборного зерна.

Кобыла как будто поняла всю важность своей задачи и прибавила ходу. Скоро издалека показались высокие заводские трубы, потом деревянные домишки сменились на высокие каменные дома, и вскоре экипаж остановился около красного кирпичного здания больницы.